

Но идеалистическая, как и материалистическая философия всегда старалась возвыситься над Богом. Иначе, в конце концов, Богословие, которое, как и у нас, не забывали, даже в средние века, в пору своего высшего торжества, было всегда приглушающей философией (apollon philologia) — оно несправедливо затмевало бы даже Бога. *Veritas audent philosophare* и Богословие сводило, главными образом, в строгий и чистый познание Бога человеку. Как и то, по существу, теперь, после непростительных, в буквальном смысле, ошибок разума с Богом и почти только религиозных побуждений, которые одурачивают разум над Богом — сейчас, в пятидесятые моменты, когда бы величайшие державы мира бьются попытка затворить о насущном Боге, который и в Св. Писании и в символической вере, провозглашает миллионы людей, вечно таинственный свет, наставлений творца неба и земли. Когда же Агасиополу, казалось бы, удалось отразить существование Бога: и рече возмуже в сердце своем ижесть Бог. Метод доказывающий существование Бога и вновь попытка восстановить онтологическое доказательство бытия Бога. Но не видя, что онтологическое доказательство бытия Бога есть положительное это небытие. И это не только у Декарта, но и у Декарта. Что доказательство бытия Бога является из разума *des idées*, то есть из чуждого и вразумительного способа, который издревле помогал эмпирическим философам для достижения своих целей. И опять повторю, что религиозный Бог никак не отделим от материалистического принципа. И, если приведем, например, к идеологии — из укажу еще и разраб, в котором разном отношении, некая, еще более замечательная: это разном отношении только лишь орудия сокращения. Разном отношении только лишь орудия сокращения, что и это стоит *J. d. Ph. c. (B. 111 103.)*

привести примеры и *in extenso*: *Je soust ma vie* доказываю, что, ты, о Боге, ты, вимо призовишь нас, ты, ты, о сущности твоей. Но такого рода строгий, невинный человек было бы несправедливо, что и то, что не трагическим событием, но о нем есть разумное неспасение. Это неспасение лишь тогда, разумно, когда оно возмущается воем субъекта, фактически существующего быть бесконечно правым и правдивым, равно как, следовательно, против которого он вступает; потому неспасение из допущения быть просто силой природы или философической воли; но только в первом случае человек сам по себе, в своем неспасении, в то время как он становится смерть есть абсолютное право, которое осуществляется в природе по отношению к человеку. В природе трагическом, так же образом, допущено отклоняясь с обеих сторон, имеет себя, равно правым и правдивым: только она была и сущность сокращения. Это же сущность не есть только орудия, и индивидуальность, религиозная сущность, ^{в той мере, в которой} но общая правдивость трагическая сущность, трагическая воля, трагическая борьба. Два противуположных права вступают друг против друга, от стороны превращаются, и от равно права одна перед другой, а не то, что одна права, другая неправы. Одна сила есть возмущение право, другая сила есть отклонение (disclinatione) (d. h.), законил, который отклоняется и более, живущий в нем, как в своей соответствующей сущности, свободно и безразлично отклоняется, но может правиться отклонением свободой. Другой принцип есть отклонение отклонения право свободы, право знания или право субъективной свободы: это есть люди держатся полной дора и зима. т. е. разумно, трагическое и о самого

370 x 230

Узнала разбивается о дружбу

[illegible]

Mem. 12

[illegible]

2) Занять поспешно и охотно потеряться втайне
от философов и их читать много о физическом
здоровье человека

или изгнать Вократъ отъ приданна
твоей или вознѣтлѣго Индѣск.

Итак я пишу тебе работ,
а Сократу так и показалось уметь лично
преступнику * * *

ἡ ἀρεὴν πολλοὺς ἢ ἠσθεῖν.
φ. Απλ. εὐκ. π. [VII] 12, 1152, 6-8:
τοὺς γὰρ οὐκ ὀφείει ὁδευεῖν ἡ πόλις εἶτα
ἀφανὸς ὄψεαι καὶ ἂν ὅτι οὐκ ἐστὶν αὐτῇ
συγγενής. οὐ γάρ εἰσι τούτοις ἀφανὲς καὶ
ἡ πόλις.

marckas amē et officiū.

proyama, potestas daviu

Это стилистическо-проблематическое и вечно про-
блематическое. Оно знает, что рай потерян
и хочет вернуть потерянный рай. А, если по-
зволят вернуть, сядет или в бивальном будущем,
или будет сидеть и молчать, и молча, будет
идти до конца жизни и, сама плодотворная, а и нуж-
но отложить задачу и на погреб смерти, чтобы
тот кто этого пришло жить с великой душой
напряжения и всегда испытывать жизнь да
и жизни неосуществленного материнства. У
Спинозы, не смотря на все его загадочное и
всепонимающее выходящее спокойствие, это на-
пряженность достигает крайней степени. Быть
может, самое замечательное во всей философии
это, то, что он умел побороть противни-
ков. Одними словами о величайших и та-
чайших переживаниях. Это знаменитое изре-
чение non ridere, non ludere, nec de deo vari, sed
intelligere - вовсе не значило, что он не смеялся,
не плакал и не проклинал. А раз готов
его перевести словами Паскаля, на первой взгляд
как будто стоишь противуположности: Je n'aime
que ceux qui cherchent en dérivant. Много пла-
ка, много плачало, много проклинали - и как
проклинали Спинозу, презирали, чтобы прийти
себя к жизни, что только только починали.
Когда он отряхнется от divitae, honores
и libidine, как же, будто бы вновь повтор-
яется трагедия изгнания Адама из рая.
Правда ли, что там же divitae, honores
и libidine? Как будто три масленки ало-
ва, да еще так, что, кто-то не били и
не давали били, да же казаться привлекатель-
ными для философа. Но, сэр, подыми все
этот мир! Там то же да, рай, и наоборот,
как рассказывается в Библии было всем
добром, и человек там был во почести
и в страсти, кроме одной - страсти по-
хоти были восторгу дозволено и да же поощ-
рялись. Теперь стоишь над великим стили-
стом и огнистым мечом и только на
дереву познания в intelligere оставаясь свобод-
ной доступ. Конечно и огненной мечь и
огонь только образа: я не хочу смущать
образованного образованного читателя пре-
дупредить, что, в рае в ангелов и отмен
мечи. И вообще и не хочу требовать вора.
Во вот мой стилистический. Хотите не
хотите Спиноза проба и девице и концы
и libidine, да же, какими они таковыми и
наиболеем являются зреть на земном. Они
накопленные размышления Спинозы да же не
отбрасывают того, что и Моисей да же:
он был обо всем разкажет со своим
внимательным богатством красок и
образов. И прибавит, что во масленке
трагедии Спиноза во том же имплиците
включено. Но, спросите во, почему все тут
огонь и огненная мечь: что это, и другое.
Только не вид, а внутри словеска, как
и то слово, которое ~~от~~ пропало. Оно
во нашей способности intelligere, во искусство
создать общий понятий. Стоишь только
словеску сгладить, как сгладил Спиноза -
та по приморю древних - стоиков, цини-
ков, Сократа и Анаксимандра заговорить
на языке общий понятий и рай превра-
щается в ад. Там где были прекрасные
сады, где были птицы, там и трали

даже
словно подобно мочалу, который притягивает
вотта послушания, односторонности и возмущения

В. С.
О Карлсх Вилли
и т.д.

У нас же проработка

возвращая на площадь. Философы, как
и святые, пущаю ланца дуревья. У Спинозы
в 1696 в последнем слове толку и много,
и в той ланца дуревья, о которой он, Нолан
по молчали, ибо ее трактуют так, как трактуют
перпендикуляр и тригонометрия, как и
наше слово. В криво возмущать — как и
Богом, как и криво и амерозия. И так как Спиноза,
даже и то, что он не знает, в орхестре
на и орхеструющая пуща в славу ланца
дуревья. Говорят, что интуиция есть единствен-
ный способ постижения познания, интуиция. Ин-
туиция происходит от слова intus — снутри.
Людья очень добрыют своему зрению и
праву, концы. Но, пущаю уметь не только ви-
деть, пущаю тола уметь и слышать. Фило-
софы и то, что да подорвать производ-
не от андее существительное, Нолану, по
молку пущаю дать в права интуиции. Не-
дурно бы было праву. Ибо правое, самое ко-
точнее увидать слово, сию молку только
услышать. Философы пущаю и разговаривать,
а слышать. И то, что интуиция беззвучно напи-
сывается лишь тому, кто уметь на интуи-
ция все превратится в слух. В такой интуи-
ция познается, что не все должно быть разумно,
а особенно — неслетно, что Бог не общи по-
нать и действовать не по законам своей при-
роды, а действуют законы всемоу природы,
что все создано Богом, как и он создан
не могли быть созданы и много что го-
лосом, познающий черт амуз почитать,
сего не так гдет, а левиз неволе — самос-
пущающий и в том людс, токой же по-
интуи, каковы бы св. Терек и св. Феофан
del Соловья то, что, Заиннаемое пово-
нать в свету, сего даго оно будеть пер-
вать в Риме, а и в древности сего, как и
ланца дуревья, токой flatus vocis. Нолан-
даже всего того слово — молку только у-
слышать. Множ каются, что философы
«визит», если добрыться сию одному, не-
молку дасть человеку обманчивую картину
мира. В повести враг Гуссерль определил
философию, как философия naturae. Ин-
туиция, в которой молку не улавливать
реминисценции интуиции.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

хвиль браних философов, во равню нач-
 вается ли она борьба, идейная или
 борьба. Идея не вразумительна, и боги,
 но, конечно, только в том случае, когда
 не уже, целыми продолжаясь весь тот длин-
 ный путь, внутренней борьба и размышле-
 ния, после которой логически констати-
 рует право заключать от единичного об-
 щему, что наче стали изначальными. Идея
 не иная, а предположение, что со-
 бытия, и как ипотеза наследия.
 Что же? Но уже- путь одного случая.
 Столкновение одной действительности
 с другой, это же право. Идея не спавшая
 sola fide- и, побуждающая, спавшая. Идея
 этого наследия не спавшая, что люди ста-
 савшие только sola fide. И философия, не а-
 дающая свои понятия в, том, что вы-
 посредовать, спавшая, посредовать за-
 мечений или чужих заключений, прибивать
 к поспешной истина оказывается, либо
 обманчивой, либо обманчивой. Идея
 философии, возбраняется, заключать в. И
 в этом разница между философией и
 другими науками. Все науки не могут
 существовать без закона, достояния и
 оснований, но философия не имеет, а есть,
 т.е. она существует, и не для себя,
 существующая и не для себя, и не для себя.
 Все остальное, напр. разум, мышление, то же
 закон, а то же и все мир и все, что
 могло быть причиной того мира, ~~на~~ 34
 атомов, движение, творцы - существующие
 или в силу и в соответствии с теми
 законами. Для науки, конечно, такое по-
 ложение вещей не только приемлемо, и
 не по разуму. И философия правы, что
 верящая, что требовать доказательства
 безле, предположить, что признав, небы-
 тельности. Полагая предположить или по-
 ложая предположить доказательства не
 допускать. Или допускать только при-
 нятие поспешности. Но именно потому
 не спавшая в ней, что и в законе
 достояния оснований, виртуальность
 действительности. Она не только не признает
 мира, до бога - она признает, что после
 того, и сотворена человеком, стала
 быть и быть чистым, всеобщим, на-
 тем. Идея не признает, что не имеет
 несправедливости, догмат и быть дог-
 матическое основание, но и не вразумитель-
 ность, что каждая вещь догмат и быть
 свое основание. Идея не признает: не
 свой, мышление и не признает, что
 миром не мо не признает. Философия
 мышления, как и в том, что не признает
 до, - и не признает. Идея не признает
 sola fide, основательность философии мышления
 обосновательности мышления и не признает
 навсегда укрывать за разумом, что дер-
 жавая право, не освобождая, а закрывая
 тина свободное изложение, сглажен-
 но совершенно невозможно, или,
 вразумительность, отключило наши философии
 интереса от всего, что достояние на-
 вавших философии, в разуме того, как
 и вразумительность, что небытие, что
 свобод, сглажен и не признает, что огра-
 ничено, что признает, что признает, что

убавил первую, уступившим
 скептицизму

отъ разъ непростительнаго и
блгд- безконечнаго міра съ его глб-
кими тайнами и великими пересел-
тислами. Если все такъ философія
существовала и развивалась, то единствен-
но мнѣ въ силу того, что подобнаго ма-
гическаго представителя съ никогда
и нигдѣ не подчинителъ возмущаема-
ми началами и принципами. Верова-
рны въ общель и происхожденіи, въ
возбужденіи труднѣе и въ, прозрачно-
свободъ „идеальнаго, чистаго „матеріала,
но въ немъ двизало иносъ побужденіе,
вотъкъ одушевлено не общель и необхо-
димо, а случайное и особенное. И, такъ,
все тайное рано или поздно стало-
быть обшпнмъ, можетъ быть, принци-
па и въ томъ заговоритъ открытѣ.
А можетъ быть - въ рѣшѣ всего это
мнѣ такъ - эта „истинѣ“ побужденіи
и въ скрытѣ ея все равно суди-
мо остальнаго тайной, какъ остальное
должно быть тайно истинна и тайнѣ
такъ, что философія естѣ приотдѣ-
леніи не смертѣи и умирانیи, то-
есть откровеніи и возмущеніи міру и въ
такой. *Non est una fata veritates* -
хотѣ ея откровеніи и возмущеніи міру
еще двѣ съ поговорию тоска и такъ
толку и раздѣ. И такъ, сейчасъ
о ней никто нигдѣ не знаетъ и не
думаетъ, что черезъ 5000 лѣтъ можетъ
никто знать не будетъ. *Non est una fata veritates* -
это хорошо.
Вотъ истинна вообще не такъ по-
ходно, что ея все знаютъ. Иди
люди, кто въ поговорию и знаетъ
иудину. *Spasamur in sola fide*, и
bonis operibus. Спасамуръ и въ вѣрѣ
и въ добротѣ, а въ вѣрѣ и добротѣ
неизбодима... одно только можно
и въ вѣрѣ: сказать съ угораниаго:
разумѣе и нигдѣ никто не
спасетъ.

10/23. 18
Кіевъ.

Корресп. 1, Rue Talbot 23 11/12 1. 11
Mre Salakhovskiy
(20) суд. мата ? ... Андр. Л. Chestofe

Но, спросить, при том же пути ангел и огненный меч? Есть
и то, и другое, только не вне, а внутри ^{кань} оболочка, ~~как~~ и то
яблоко, которое проглотил наш праотец. Они в нашем
стремлении *intelligere*, в искусстве создают общие понятия.
Стоит только человеку, как это случилось, по забывшему своим
прищипыванием, Спиноза ^{заговорить} (на языке общих понятий и раи
изовинно превращается в ад. Там же где были прекрасные сады,
где росли птицы, играли вора сотворенные и вечно юная
льва, где радовались, любили, где все была жизнь, свободная
и торгующая, там ^{появились} ~~стались~~ *divitas*, копилась
libidinis - ^{понятия} ~~любовь~~, которая будет ли предлагать на русские
или на латинском языке, обозначают одно: смерть, смерть
и смерть. И философия Спиноза есть торжественная вершина атом
Dei intellectualis - то же смерть: внутри человека стоит
ангел с огненным мечом и не пускает в рай. Древнее прок-
латие с нас не спало. ~~И~~ Мы сами оказываемся и преступни-
ками и своими добровольными палачами. *Nec nullo alio modo
vel ordine a Deo produci poterunt quam productae sunt*
(*Spinoza* XXIII) или, по Декарту, "verknijftige Ungeuek". Кань может
человек дойти до того, что последнее удовлетворение он стал
находить в сознании, там "конец разумно" а там Бог не может
не может создать вещи ипнми, чтобы он их создал? А ведь,

на этомъ намъ предлагаютъ остановиться, въ этомъ видятъ
большую мудрость, самое чуждое, что бываетъ въ жизни. Даже
самоуверенность Юраций убеждаетъ насъ, что лабиринтъный на за-
мѣть упрямъ — это упрямъ мудреца:

Sapiens uno minor est fove, dives

Liber, honoratus, pulcher, res denique regum.

Что намъ говорить? Древній змѣи, воплотившійся въ ^{человѣка} ~~человѣка~~
и вновь сообразившій многой красотой плодотворенію дерева
познания добра и зла? Или бы огонь Юраций! Онъ нею можно
было бы и не слышать: *πολλὰ ψεύδοιται οἱ σοῖδοι.* (много
лгутъ повары). Но Юраций только повторяетъ то, что постои-
но твердятъ философы — философы, которые отлучно известны
они въ этомъ убежденіи не имѣютъ ни слова правды. Мудрецы вообще
не прекрасны, и не свободны и не царь царей. Они связаны, они бо-
гобразны, они — послѣдній изъ рабовъ и утѣшаетъ не только
Юпитеру, но самому ничтожному изъ смертныхъ. Конечно,
эзотерическая философія обязана молчать отъ того
и думаю, что даже и посвященные ^{между собою} ~~предпочитаютъ~~ отъ этого
не разговариваютъ. Только у святыхъ въ вѣтрѣется много
нога признанія — но святые отъ этого утѣли такъ говорятъ
что имъ никто никогда не вѣрилъ и вообще это одна изъ
тѣхъ великихъ тайнъ жизни, которые остаются тайнами

гате и въ томъ случаѣ, если ихъ вскрываютъ по всей пло-
 щади. Философия, какъ и евангелие, нужна Janeta Superbia.
 И спиноза въ послѣднемъ счетѣ только и жилъ, что «сватою
 гордостью», о которой въ своихъ сочиненияхъ ничего не писалъ,
 ибо ее невозможно трактовать, какъ трактуютъ перпен-
 диклы и трылопники. Ее нужно восхвалять, какъ нишу
 Гюбле, какъ пектары и амброзю. Она ^{въ утробѣ} спиноза есть
 торжественная, хотя далеко не торжествующая пьеса, во-
 славу Janeta Superbia. Говорятъ, что интуиция есть единствен-
 ный способъ постиженія послѣдней истины. Интуиция проис-
 ходитъ отъ слова intueri — смотреть. Люди очень гово-
 рятъ своему зрѣнью и имѣютъ для этого, конечно, доста-
 точно основаній. Но нужно помнить не только видеть, нужно
 уметь и слышать. Философия слѣдовало бы подогрѣть
 производное отъ audire существительное и дать ему весь
 права интуиции. Даже больше правъ. Ибо такъ, само с-
 нусное — убожить слова: можно только угадывать. Но и
 бытія безъ ума не являются лишь тому, кто угадываетъ,
 когда нусно, все обрывается въ слухъ. Въ такую минуту от-
 кроется, что не все въ жизни «рациона» и меньше всего разумъ
 «неограниченъ», что есть не общее понятие и не то, что не предвѣ-
 стъ, но закономъ «своей природы, а самъ есть истокъ и все-
 кихъ законовъ и великъ природы, что все создано Богомъ,
 какъ они созданы, а могли бы быть созданы и иначе, тѣмъ

и началы - тамъ и самое вѣрное, самое значительное, самое драгоценное. Если бы случилось, скажемъ, что обнародованъ матерьялы изъ Лаврентья въ себѣ „популярную истину“, то философия, монахи, чья бы заблуждала бы наивная паукъ науки. Разъ все изъ прѣла возникло и въ правѣ обратиться - стоитъ ли интересоваться морали и политикой? Итакъ это, отъсчитывая *βιωζατα παρ' αὐτῶν φιλοσοφοῦντες ἐπηρεάζονται τοῖς διψώδεσσι*, т.е. ищутъ истинныхъ тѣхъ и мѣтѣхъ бога. Даромъ давши обрѣтъ отроченіи монаховъ *Сниноса уримъ* (Edh. I. Pr. 11): *posse non existere impotentia est et contra posse existere potentia est... Ergo, Ens absolute infinitum, hoc est Deus, necessario existit.* Брже, вѣтъ и монахи, а *potentia* са *potentia*! А брже *potentia* - *om̃o* тѣхъ *divitiae*, *honores* и, если угодно, *libidines*, только до некоторой стѣпени освобожденной отъ тѣхъ условностей и случайностей, которыя „усвоили“ себѣ всякого рода величій *бѣтиски* *Ипатки* и *богатѣи* *тѣловѣи* *сѣтъ* *тѣловѣи* *властѣи* *прѣжде* *всего*, а *потому* - *свободны* и *торганы*. Сами же *Сниноса* *богатѣи* и *знатѣи* *отъбодны* *только* *потому*, что *условны* не въ силѣ удержаніи *са* *свободы* *добавки* или *добавки* *смы* по *наивнѣи* *divitiae* и *honores*. Когда же онъ изъ наивнѣи *свободны* *potentia* ему *показалось*, что *глаго* въ *корнѣ* *истины* -

лось, ибо ~~то~~ potentia, по крайней мере, та potentia, о кото-
 рой еще не было, была определена или в терминах или пред-
 казах, не допускающих и мысли об уничтожении. Но зря,
 конечно, вся аргументация ошибочна. Начать с того, что
 posse non existere можно считать и силой и слабостью
 Могут быть всецелу существу ^{еще} ~~полна~~ быть в равной
 степени представлений выбора между существованием и не-
 существованием. А значит, если и соотносится со Спиро-
 сом, что posse non existere - impotentia est, то может оба-
 дана нас отгадать предположение силы перед слабостью? Или,
 впрочем, раз уж стремление к силе не есть libido, ^{одна из форм} ~~стремление~~
 от которого Спироза гоним отбита отравой? Разве в гео-
 метрии есть нечто potentiae? И, наоборот, стремление
 к potentiae? ~~Геометрия~~ Математикам разумеется, potentia
 есть некая кривая, т.е. геометрическое нечто такое, и-
 мьющее одно определенное свойство, impotentia - другая
 кривая, т.е. опять же геометрическое нечто такое, им-
 ющее определенное свойство. Первая, скажем, есть круг, вто-
 рая - эллипс. Совершенно очевидно, что нечто нулевого зна-
 чения отгадать предположение кругу перед эллипсом. Бог
 может иметь своим предикатом и posse existere, и posse
 non existere, если его удобо признается море geometrica. Я хочу
 сказать, что "доказательство" здесь заключается в себе

positio principii и не можеть не заключать его. Мено, что,
 прежде, чѣмъ приступать къ доказательству, Спинноза,
 въ самомъ то процесѣ, въ его сочиненіяхъ не вѣдѣлъ (и не вѣдѣлъ, впрочемъ, универсально) рѣшить вопросъ не
 только о бытіи Бога, но и обо вѣщъ его предикатахъ.
 И лишь когда ему пришлось высказаться предъ людьми, онъ
 вспомнилъ о геометріи. Вспомнилъ, ~~напомнилъ~~ ибо боялся,
 что безъ доказательствъ его мысли будутъ встрѣены
 недоверіемъ и насмѣшкой. А въ его философіи было
 для него то *quod latet* — самое важное! и потому
 было се оберегать во что бы то ни стало, всеми способами,
 какіе только были въ его распоряженіи. Если бы Спинноза
 былъ царемъ или папой, онъ обратился бы къ козиркамъ и
 пыткамъ. Но онъ былъ богачомъ, слабымъ, николу кельвотскимъ,
 тѣловѣкомъ. Въ его распоряженіи былъ только его разумъ. И
 онъ написалъ *ethica more geometrico demonstrata*. Оказалось,
 что такимъ способомъ можно тоже очень много охранить. Да-
 же на долгое время и лучше, чѣмъ козирками и пытками. Но,
 въ такъ-же на всегда. Если ^{философіи} *успѣшная* не найдется другою спо-
 соба защиты, то и со Богомъ, какъ ^и ^{Богъ} *потѣхъ* котораго охраняли
 инквизиторы, не будутъ въ силѣ противиться врагамъ...
 И еще, по видимому, очевидно, что вопросъ долженъ быть постав-
 лень иначе ^{— такъ} *какъ* со ставили люди, еще свободные отъ нашей

самоуверенности и предвзятости не чужды, "защищают" Бога,
а Бога защищают чуждыми или, иначе говоря, Бога нужно не
защищать, а искать и, стало быть, в философии, если она хочет
осуществить любовь Телетина и стало *de intellectu* (самая
важная) *quaestio*, разум должен отказаться от притязаний
на суверенитет. Ему не дано "все глотать из себя", не он, а бытие
в начале. Истина и мораль живут за пределами
разума.

Но с этой мыслью нам придется всего примириться и
наилучшим образом доказать то, что мы хотим слушать
философии Мопенгауэра. Никто из нас не говорит, что мораль
всегда была чуждой для философов. Правда, но тогда правда
и, пожалуй, ^{даже} еще в большей мере, что и разум был чужд
философам. Как известно, Мопенгауэр был не
только теоретиком, но и по своему душевному складу, наи-
более всего склонен к рационализму. У него разум - паразит,
паразит у Лютера, Багдана. И никто в философии не учит
так тонко подмечать и остроумно изображать слабые сторо-
ны разума, как Мопенгауэр. Вит прикидывается - охотник из ветхих
учебников и посылать догматы Канта - цитировать трансцендентальную

Детски и логично учились. Разум не даёт и не может
 нам дать настоящего знания. Его функция - создать иллю-
 зорный мир, мир Майи при помощи форм чувственности,
 пространства и времени и материй, материальных образов, по Мо-
 пендациеру, и историй прикинутости. Поэтому же, что мы зна-
 ем, мы знаем не о действительности, постигнуть которую
 разуму, по самой его сущности, не дано, а о „явлениях“, не
 открывающих, а скорее прикрывающих истинную реаль-
 ность. Каким же образом, при таком положении вещей, посты-
 жено, как Канту удалось догадаться, что разум наш
 сбит и потоплен не истиной, а заблуждением и обманом, ведь
 задача философии должна была бы свестись к освобожде-
 нии людей от навязанных им паразитов и обман-
 чивых разумных лирических истин. Сущность мира-воля,
 и её голоса, её решения должны были бы быть для нас един-
 ственным источником настоящего познания. Но сила и
 власть Киркен-разума такова, что ^{как ей} ~~он~~ покоряются даже
 самые сильные и проникательные люди и до сих пор не
 удалось еще ему дитроушного Одиссея, которому удалось бы
 добить волшебного центавра и разрушить чара волшебница.
 Вся философия прославляла и воспевала разум - не кто-то отом-
 учисты и Мопендациеры. Со всеми произошло то-же, что и со биб-

иейскими Волааманъ: вѣ хотѣлъ пролипать разумъ, но ка-
 сано мѣ глѣть благословлялъ ея. Его философія - одинокъ непрерыв-
 ный споръ между разумомъ и волей, - споръ, въ которомъ оконча-
 тельнымъ побѣдителемъ почти всегда является разумъ. Какъ
 только о "воле", т.е. о вѣстивости слѣдуетъ, метафизическая сущность
 бытія, нѣтъ же возвыситъ свой голосъ, разумъ начинаетъ дру-
 чать аргументами и голосъ воли затухаетъ. Воли въ себѣ
 хочетъ жизни и радости. Разумъ доказываетъ, что ра-
 дость преходяща, а жизнь - нисколько. Воли рвется къ любви,
 разумъ произноситъ глумливую, остроумную и блестящую
 речь на тему о метафизикѣ половой любви, въ которой
 высказывается, что любовь - только обманъ и иллюзія. Воля въ те-
 ловитъ хочетъ вѣчной жизни, разумъ доказываетъ, какъ дважды
 два четыре, спланировавъ на Аристотеля (разумъ безъ Аристоте-
 ля никогда обойтись не можетъ), что все, что возникаетъ, обя-
 зательно должно исчезнуть, а стало быть и глѣть, въ свое
 время родившаяся, непременно должна умереть, что наша
 жизнь и наше отрощеніе къ смерти есть только нѣчто
 предраудокъ, ровно ни на чемъ не основанная красноречивая,
 какъ свѣтъ лампы при восходѣ зари, предъ безмернымъ
 солнцемъ ума. Но въ разумъ ничего не знаетъ и знать не
 можетъ, но утѣши самого на Шопенгауера разумъ - раба и

[illegible]

и начинать всегда разговоры, что давал ему уверенность, certitudinem, о котором можно было уверенно говорить даже сержантским и суровым на слова словом. Разумный родной брат морали и всегда умелый действовать перазумными суждениями, тем из чего в логике называется argumenta ad hominem. Правда, разум в этом никогда не признается и даже обижается, когда его поговаривают в такой неслыханности, быть претендует на абсолютное беспристрастие, на всеобщую объективность. Но все же, я полагаю, что, если бы воистину своим «интердисциплинарным» Мопенгауэром написаны специальные главы на тему «метадисциплинарная объективная разум» по программам своей этики, метадисциплинарной любви, то его философия много бы от этого выиграла. Ибо, если правда, что воля является метадисциплинарной основой жизни, то вряд ли верно, что разум «борется» за свободу и усиливается от своей случайной роли. Вернее всего, что ^{воля} в жизни играет ключевую роль, которая по заданию и управлению создает разум, и ее мечта о свободе точнее истиннейшая иллюзия и иллюзия, при этом, созданном для нужды и потребности воли. Воля нужна было, чтобы разум вообразил себя автономным и законным, поэтому она выжила одними из самых малых, что ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, а Мопенгауэру, тем не менее, и не было в начале, но все так же ему

дано было освобождаться от метафизического начала жизни.
 И Мопсигуэрт, так удачно выманивавший чужбоязливых
 и лживых и самих попавших на удочку собственного глупо-
 мания и в конце концов поверженных в основном обманом
 жизни, разгубивших, впрочем в этом, судьбу своих людей.
 Во всем этом противоборство и запутанности — хоть от-
 давай, но я не думаю, чтобы задача философии своди-
 лась к тому, чтобы во что бы то ни стало, если не
 распутать, то хоть разбудить в нас горючие угли тех
 же. Если жизнь полна ^{путаницы} ~~противоборств~~, то философия не
 может, да и не может ^{стремиться к тому, чтобы не стать} „диспости и отчужденности“. Если
 в жизни есть противоборства философия должна жить ими.
 И поэтому, что обилие запутанностей и противоборств должно
 поставить в задачу Мопсигуэрта. Конечно, он прельстился
 „разумом“, но почему ему отказывать справедливости: у него „воля“
 и он раз говорит так громко и властно, что соображения
 разума как бы совсем перестают существовать. Не даром
 он столько говорил о метафизическом значении музыки.
 В его философии много музыки, которая не знала „слова“
 ни „в начале“, ни в конце. Конечно — существование такой фило-
 софии — даже Фришман — все в „музыке“. Иначе говоря, фило-
 софия не только видит, но и слышит и понимает греческую

15 18
in den unsern Intellekt konstruierenden Formen zur Auf-
fassung derselben und in dem Allen gemeinsamen Bewusst-
sein des eigenen Selbst sicher nachweisen lässt. В этом
словаре был общий мѣста и былъ предразсудки традицион-
ной философи. Точно можетъ говорить только разумъ,
вообразившій, что онъ уже окончательно и навсегда
освободился отъ своего слѣдственного наказания и самъ сталъ
восторжествовать надъ собою. Собственно, какъ въ сказкѣ о родномъ
испытаніи. Разуму заповѣдано, чтобъ сама мысль была у
него на послѣдствіи! Онъ пренебрегаетъ всеми предостереже-
ми положительными, онъ признаетъ только общее вѣдѣніе со-
знаніе, знаетъ только утвержденное знаніе. "Даровъ" онъ не при-
нимаетъ: беретъ только ему принадлежащее — все "терпаетъ
изъ себя". Конечно, все это — условная логика и логическіе обя-
занности этой логики являются собственными измышленіями Успен-
скаго, въ которыхъ на каждомъ шагу мы встрѣтаемъ ^{утвер-} под-
твержденія, ровно ни на чемъ не основанныя и не имѣющія права
претендовать ни на какую бы то ни было доказательность. И,
если бы мы со кнѣзѣмъ въправѣ были мѣстами, которыя не от-
вѣчаютъ предъявленнымъ имъ въ философіи требованіямъ,
то у насъ осталось бы только несколько десятковъ стра-
ницъ общихъ разсужденій, не имѣющихъ въ философіи никакого
отношенія — т.е. осталось бы разбитое корачо: все что оста-

ется у философов, философски погрязнувших в традиции
 „науки“. Но, Монкьячери не таков: он, не стесняясь,
 и превосходит, и выигрывает разум. Когда ему нужно, он
 вспоминает о „примате“ воли, и швыряет подальше, что
 против в чуждый разум. Переверните страницу после при-
 веденной мною ^{выше} цитаты и вы увидите Монкьячери во-
 истинно людей, при которых о разуме и вспоминает не-
 лозно, только боясь о строю науки. Вы будете в Фи-
 денции Салерно, восторгаетесь Мастером Иерархом
 и Theologia deus, восхищаетесь Знаменитым Квентом
 Монкоса и, точно так же он только что говорил о стро-
 ю науки философии, спокойно заявляет: *Jede Philosophie,
 welche consequenterweise jene ganze Denkungsart verwerfen
 muss ... notwendig falsch sein muss* (т. 724). И, как он
 затем, что-то канони мой напомню убедитесь, что он
 порадо блуждая парадокса, что-то „обоснованно“ именуя, он
 еще через несколько страниц прибавит интересующий слова
 С. Августина: *novi quosdam, qui murmurent: quid si inquit,
 omnes velint ab omni concubitu abstinere, unde subsistet ge-
 nus humanum? Utinam omnes hoc vellent! Dumtaxat in ca-
 ritate, de corde puro, et conscientia bona, et fide non ficta:
 multo citius Dei civitas completeretur, ut acceleraretur ter-*

minus mundi. Подумте, разберите - что это такое: „обоснован-
ныя“ ли ~~рациональные~~ положения, которые одних только и есть
в философии или самостоятели утверждения, исходящие из таин-
ственного источника: sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas.
Я не могу ^{справиться} ~~запретить~~ ^{написать} ~~вам~~ ^{вам}, хотя бы и необдуманно и
интересные из моих же главы или других сочинений Монтиа-
ра, чтобы еще наизусть подтвердить равнодушие его к ин-
тересам не всеобщему общему положению. И быт того доста-
точно ясно, что истинно из философии устремлений
мысли всего является „истинный разум“ или „общее для всех
сознание. Оно видит, слышит, осязает и т.д. и говорит о сво-
их непосредственных впечатлениях в гораздо большей
степени, чем „доказательство“. Монтиагер не считал
нужно, чтобы он считал только потому, что он не боялся,
когда нужно было, преуменьшать всякого рода ratio и давать
полную свободу евои voluntas. Своей - т.е. и voluntas „божествен-
ной“. Т.е. моей „свободной“, творческой, моей voluntas, которая воп-
реки „всеполом“ законам вырывается ~~из~~ из лона общего,
всегда есть равная, чтобы сказать моментом бытия временного
и неизменного, но самостоятельного мышления. И, если все таки,

разумъ de facto является у Монтаньера послышным
 судьей надъ тивомъ и тертвомъ, то это побужденію укасо-
 ваетъ только на то, на сколько крѣпко и неистребима
 тлавотскіе предразсудки или, если хотѣть, какъ неслыхан-
 ное рѣшеніе Ветланиа. Въ дѣлѣ „разумъ“ и снѣтъ тождѣствен-
 ной метъ, которая отзвѣщаетъ поставленной болѣе или
 менѣе ногѣ отъ вратъ Идана. И-поразились-то-же! Мѣ-
 нтаниеръ Ветланиа Завѣта не любитъ. Но въ сказаніи о при-
 паденіи угадываетъ глубокий смыслъ и великую тайну.
 И все же не утѣшитъ или не хотѣтъ угадывать, то первоначально,
 теперь по намѣренію передающійся урѣкъ наша прѣстѣла
 тѣмъ и утѣшаетъ, что тѣмъ же, вышедшій отъ древа познана
 теперь уже не можетъ молвить иначе, какъ при посредствѣ
 общаго понятія, что и всегда имѣетъ „доказательство“. Уто-
 утѣшаетъ Молвиаса Монтаньеръ долженъ повторить его
 Ангелусомъ Возвѣщаемъ или менѣе-то-же. И,
 только убога, инакъ, что „все“ повторить убога и то-же, но-
 ментаниеръ соглашается повторить инакъ и прилагаетъ и дру-
 гихъ инакъ вѣритъ. М.е. признаетъ зряче верховнотѣ судьбы
 нацѣ инаковой и убога „убога въ вѣдѣ сознаніи“. Но, если да
 и на самомъ убога показаніи вѣдѣ, что опраивающій инакъ

20 19 18

[illegible]

дружественного купюры подвѣдѣ нами. Вообще и необходимое есть
 небытіе раз селеніе. Только помнѣти то, философия
 некупитъ убога Адамъ и придетъ во свѣтъ и дрѣво,
 во корень и тѣни, въ тѣни іерусалима, тѣни баграти-
 на, во тѣни етѣна тѣнѣ тѣнѣ. Прозвѣтѣ иго.

Киев.

А. Метов.

Октябрь. 1912 erratum: 1918?